

Дара Вейн

Год огня и пепла

Дара Вейн

Год огня и пепла

<https://litres.ru/74519659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лейтенант Алексей Морозов встречает рассвет 22 июня 1941 года в западной Белоруссии — и через несколько часов мир, который он знал, перестаёт существовать. Четыре года войны: окружение, партизанские отряды в лесах, дым под Москвой, ад Сталинграда, танки на Курской дуге, освобождение городов и финальный штурм Берлина.

Санинструктор Катя Власова спасает раненых под огнём и пишет письма, которые не всегда доходят. Сержант Петренко берёт в руки гармонь, когда нечем дышать от горя. Танкист Громов горит четвёртый раз и снова идёт в бой. Лесник Дёмин уходит в партизаны и становится тенью, от которой нет спасения.

Они теряют друзей, дом, веру — и находят друг друга. Роман о людях, которые прошли через огонь и пепел и остались людьми.

Дара Вейн

Год огня и пепла

ГОД ОГНЯ И ПЕПЛА

Роман о Великой Отечественной войне

Дара Вейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Июнь 1941

Часть первая. ОГОНЬ (Лето 1941)

Глава 1. Последний мирный день

Глава 2. Война

Глава 3. Уход

Глава 4. Первый бой

Глава 5. В окружении

Глава 6. Партизаны

Глава 7. Дорога на восток

Глава 8. Смоленск

Часть вторая. ПЕПЕЛ (Осень-Зима 1941)

Глава 9. Москва на горизонте

Глава 10. Окопы на подступах

Глава 11. Снег и кровь

Глава 12. Контрудар

Глава 13. Госпиталь

Глава 14. Письма с фронта

Глава 15. Блокада

Глава 16. Дорога жизни

Глава 17. Новогодний бой

Глава 18. Перелом

Часть третья. НАДЕЖДА (1942-1943)

Глава 19. Сталинград

Глава 20. Дом Павлова

Глава 21. Катунь

Глава 22. Кольцо

Глава 23. Танкисты

Глава 24. Курская дуга

Глава 25. Огненная дуга

Глава 26. Освобождение

Часть четвёртая. ВОСХОЖДЕНИЕ (1944)

Глава 27. Наступление

Глава 28. Белорусская операция

Глава 29. Багратион

Глава 30. Висла

Глава 31. Варшава

Глава 32. Польша

Глава 33. Восточная Пруссия

Глава 34. Кёнигсберг

Часть пятая. ПОБЕДА (1945)

Глава 35. Висло-Одерская

Глава 36. Одер
Глава 37. Берлин
Глава 38. Рейхстаг
Глава 39. Знамя
Глава 40. Капитуляция
Глава 41. Домой
Глава 42. Возвращение
Эпилог. Май 1945
Послесловие

ПРОЛОГ. ИЮНЬ 1941

Солнце садилось за сосновый лес, и небо горело ровным оранжевым светом, будто кто-то разлил по горизонту варенье. Лейтенант Алексей Морозов сидел на крыльце домика, где квартировал, и смотрел, как солнечный диск медленно уползает за деревья. В руке у него была кружка с чаем — остывшим уже, но выбрасывать жалко. Чай был с сахаром, и сахар осел на дне сладкой гущей, которую можно было выскрести ложкой.

Деревня Луговая, что в трёх километрах от границы, была тихим местом. Двадцать дворов, колодец посреди улицы, клуб на месте бывшей церкви. Хозяйка — тётя Поля, женщина лет пятидесяти с добрыми руками и вечно прищуренными глазами — хлопотала в избе, и оттуда доносился запах жареной картошки.

Алексей закрыл глаза. Завтра — увольнение. Третьего

дня получил письмо от матери из Воронежа: «Лёшенька, приезжай в отпуск, я тебе пирогов напеку, а то совсем исхудал, поди». Пирог. Мамины пироги с капустой, с луком и яйцом, с яблоками. Он вспомнил этот запах, и в груди сделалось тепло и тоскливо одновременно.

— Лейтенант, а лейтенант! — раздался голос с улицы.

Алексей приоткрыл один глаз. К крыльцу подходил сержант Петренко — здоровый, рыжий, с носом, облупленным от солнца. Погоны его были расстёгнуты, а под мышкой зажата бережно гармонь.

— Тебе чего, Петренко? — спросил Алексей лениво.

— Так вечер же, товарищ лейтенант. Девки в клубе. Гармонь принёс. Может, споём?

Алексей посмотрел на солнце. Потом на Петренко. Потом снова на солнце.

— Играй, — сказал он. — Только не «Катюшу», надоели.

— А что играть?

— Что хочешь. Только не «Катюшу».

Петренко уселся на ступеньку, растопырил пальцы и заиграл «Степь да степь кругом». Алексей слушал. Где-то далеко, на западе, небо было чуть темнее — это оттуда, со стороны границы, поднималась тонкая полоска облаков. Алексей посмотрел в ту сторону и подумал: «Хорошо, что нет войны. Хорошо, что мы живём в мирное время.»

Он не знал, что через десять часов начнётся то, что разделит его жизнь на «до» и «после».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОГОНЬ

(Лето 1941)

Глава 1. Последний мирный день

Утро 22 июня началось как обычно. Петухи орали на всю деревню, тётя Поля гремела посудой, где-то мычала корова. Алексей проснулся от того, что солнце ударило в лицо — занавеска сползла, и свет лежал прямо на подушке, тёплый, жёлтый.

Он лежал ещё минуту, не открывая глаз. Суббота. Увольнительная. Можно не спешить. Можно лежать и думать о том, как поедет в Воронеж, как обнимет мать, как сядет за стол, и она будет подкладывать ему пироги, а он будет отговариваться — «мам, я больше не могу», — и есть ещё.

— Лёшенька! — голос тети Поли из-за двери. — Вставай, яичницу сделала! С салом!

Алексей сел на кровати, потёр лицо руками. Посмотрел на календарь, висевший на стене. 22 июня. Воскресенье — он поправил себя — завтра воскресенье, а сегодня суббота. На календаре лиловым карандашом была обведена дата — мать отмечала дни до его приезда.

Он оделся, умылся из ковша. Вода была холодная, из колодца. Хотелось пить. Он выпил три ковша подряд, и тётя Поля качала головой: «Простудишься, Лёшенька, холодная

же».

— Не простужусь, — сказал он. — Я закалённый.

За столом было темно-жаркое яйцо, ломоть сала, чёрный хлеб и кружка молока. Алексей ел и смотрел в окно. За окном — огород, за огородом — поле, за полем — лес. Небо было высокое и синее, как будто нарисованное.

— Тётъ Поль, — сказал он, — а где тут клуб?

— Клуб-то? Да вон, за колодцем. Каменный такой. А что?

— Да Петренко вчера спрашивал. Хочет на гармошке играть.

— А, — тётя Поля махнула рукой. — Пусть играет. У нас тут девок мало, а парней — и того меньше. Все на службе.

Алексей доел яичницу, вытер хлебом тарелку. Поднялся.

— Я на службу, тётя Поль. До обеда. Потом — увольнение.

— Хорошо, Лёшенька. А я тебе на дорожку пирожков соберу.

Он вышел на крыльцо. Воздух был прохладный, с запахом сосен и влажной земли. Солнце висело низко, и тени от деревьев лежали длинные, словно протянутые руки.

Часть располагалась в двух километрах от деревни — казармы, построенные ещё в тридцатых годах, склады, стрельбище. Алексей шёл по грунтовой дороге и считал жаворонков. Один, два, три. Три жаворонка. На удачу.

На КПП его встретил старшина Ковальчук — маленький, жилистый, с усами, похожими на две щётки.

— Товарищ лейтенант, — Ковальчук вытянулся. — Раз-

решите доложить: за время вашего отсутствия происшествий не случилось.

— Хорошо, Ковальчук. Что нового?

— Да ничего. Рота спит, как положено. Суббота же.

Алексей прошёл в штаб. Капитан Рудаков — командир батальона — уже был на месте, сидел за столом и читал газету «Правду». Увидев Алексея, он кивнул:

— Морозов, доброе утро. Вот, почитай. Третьего дня Молотов выступал. Про Германию.

Алексей взял газету. Заголовок: «СССР и Германия — друзья навеки». Он пробежал глазами статью. Про пакт о ненападении. Про дружбу народов. Про мирное строительство.

— Ну и ладно, — сказал он, возвращая газету. — Мир так мир.

— Вот и я так думаю, — сказал Рудаков. — Увольнительная на тебя оформлена?

— Так точно.

— Ну иди. Гуляй. Только к завтрашнему утру — обратно.

Алексей вышел из штаба и столкнулся с лейтенантом Виктором Селезнёвым — своим другом, командиром взвода связи. Виктор был в пилотке, смешно сдвинутой на затылок, и улыбался.

— Лёшка! Ты чего такой нарядный? В увольнение?

— Ага. А ты?

— Я тоже. Давай вместе? У меня там — Сергей, ну, ты

знаешь, гармонист. Мы к нему на заимку собирались, рыбу ловить.

— Петренко что ли?

— Ну да. Пошли?

Алексей посмотрел на небо. Солнце поднималось выше, и небо из синего делалось васильковым. Где-то на западе, за лесом, небо было чуть светлее — будто облака подсвечивались изнутри.

— Пошли, — сказал он.

Они шли по дороге и разговаривали. Виктор рассказывал про девушку из библиотеки — Зину, рыжую, с веснушками и смеющимися глазами. Он познакомился с ней неделю назад, и теперь все разговоры сводились к одному.

— Она, Лёшка, понимаешь, не как все. Она стихи читает. Есенина. Наизусть. С выражением.

— Все девушки стихи читают, — сказал Алексей.

— Да, но она — по-особенному. Вот слушай: «Не жалею, не зову, не плачу...» — и у неё голос такой, будто она сама это придумала. Будто она и есть Есенин, только в юбке.

Алексей засмеялся.

— Витя, ты влюблён.

— Ну, может быть, — Виктор покраснел. — А что, нелзя?

— Можно. Только ты осторожнее. Она тебя в армии разлюбит.

— Не разлюбит. Мы с ней договорились. Она будет пи-

сать, я — тоже. Каждую неделю.

— Письма — это хорошо, — сказал Алексей. — Письма — это самая надёжная вещь на свете.

Он не знал, что через несколько месяцев письма станут единственной нитью, которая будет связывать его с прошлым. И что многие из этих нитей оборвутся.

Заимка Сергея Петренко была в лесу, в трёх километрах от части. Домик, сарай, лодка на берегу речки Усы. Петренко уже был там — он чистил рыбу, насвистывая что-то под нос. Рядом лежали три удочки и ведро с червями.

— О, — сказал он, увидев их, — орлы прилетели. Ну, садитесь. Я уже двух шук поймал. На уху хватит.

— Серый, ты ahead of всех, — сказал Виктор. — Мы ещё спали, а ты уже рыбак-промышленник.

— Так рыба рано клюёт, — Петренко сплюнул. — Это, брат, закон. Кто рано встаёт, тому и щука в руки.

Они сидели на берегу, закинули удочки и молчали. Речка была узкая и быстрая, вода в ней тёмная от торфа. По берегам рос камыш, и в нём что-то шуршало — то ли лягушки, то ли водяные крысы.

— Красота, — сказал Алексей. — Вот бы так всегда.

— А что будет не всегда? — спросил Виктор.

— Да нет, ничего. Просто думаю. Жизнь такая хорошая, что страшно.

— Страшно? — Петренко поднял голову. — Чего страшно?

— Не знаю. Когда слишком хорошо — всегда ждёшь, что что-то случится.

— Лёшка, ты философ, — сказал Виктор. — Ты бы в академию пошёл, а не в пехоту.

— В пехоте интереснее, — сказал Алексей. — Здесь небо видно.

Они просидели до обеда. Поймали ещё пять щук и одного окуня. Уха варилась в котелке на костре, и Петренко рассказывал про свою деревню — где-то под Гомелем, про мать, которая пекла хлеб такой, что зубы ломались, про отца-лесника, который знал каждый гриб в лесу.

— Вот вы говорите — война, — сказал он вдруг. — А я вам скажу: не будет войны. Мы с немцами договорились. Пакт у нас. Вот, — он ткнул пальцем в сторону запада, — там, за лесом, немцы сидят. И тишина. Ни одного выстрела. Я вам говорю — мы с ними друзья.

Алексей посмотрел на запад. Лес стоял стеной, и за ним — граница. А за границей — Германия. Страна, с которой у них договор о ненападении. Страна, которая, по словам газеты «Правда», — друг навеки.

Он не знал, что в этот самый момент, в Берлине, уже подписана директива №21 — план «Барбаросса». Он не знал, что на границе, в трёхстах километрах отсюда, стоят три миллиона солдат, три тысячи танков и две тысячи самолётов. Он не знал, что через несколько часов всё закончится — и мир, и уха, и разговоры про девушек, и тёту Полю с её

пирогами.

Они ели уху. Она была горячая, с перцем, и от неё пот выступал на лбу. Алексей вытер лоб рукавом и подумал: «Хорошо. Просто хорошо.»

А потом слышали гул.

Сначала — далёкий, едва заметный. Потом — громче. Потом небо наполнилось звуком, и все подняли головы.

Самолёты. Их было много. Очень много. Они шли клином, чёрные на фоне неба, и звук их моторов был похож на гул пчелиного роя — только усиленный в тысячу раз.

— Кто это? — спросил Виктор. — Наши?

Петренко прищурился.

— Не наши, — сказал он тихо. — Не наши. У наших не такие.

Алексей встал. Сердце застучало быстро-быстро, как будто кто-то бил в барабан внутри его груди. Он смотрел на самолёты и не мог пошевелиться.

А потом первый взрыв потряс землю.

Это было далеко — где-то в стороне части. Столб огня и дыма поднялся над лесом, и через секунду звук долетел до них — тяжёлый, глухой, как удар огромного кулака по земле.

— Война, — сказал Петренко. И слово это было таким простым и страшным, что Алексей почувствовал, как пол уходит из-под ног.

Глава 2. Война

Они бежали к части. Бежали, не разбирая дороги, через лес, через кусты, через канавы. Алексей бежал первым, за ним — Виктор и Петренко. Удочки, ведро, остатки ухи — всё осталось на заимке. Котелок ещё дымился на костре, и дым поднимался в небо, где уже не было ни одного мирного облака.

Когда выбежали на дорогу, увидели — далеко, за лесом, в стороне части — столбы дыма. Два, три, четыре. Чёрные, жирные, как будто земля горела. И звук — непрерывный, глухой грохот, словно кто-то бил в огромный барабан и не останавливался.

— Что делать? — крикнул Виктор на бегу. Его лицо было белое, как бумага.

— К части! — крикнул Алексей. — Все к части!

Они добежали до КПП через двадцать минут. КПП не было — ворота снесены, будка развалена, а на земле лежал часовой — молодой солдат Серёга Климов, eighteen лет, веснушчатый, с открытыми глазами, в которых стояло удивление. Он был мёртв.

Алексей остановился. Опустился на колени, закрыл Серёге глаза. Руки дрожали.

— Пошли, — сказал он и поднялся. Голос был хриплым.

Часть горела. Казарма — длинное деревянное здание — пылала. Огонь шёл по крыше, как по бумаге, и треск стоял такой, словно кто-то ломал сухие ветки. Склады горели. Стрельбище — там, где они ещё вчера стреляли по мишеням

— было разворочено, и в воронках курился дым.

— Рудаков! — крикнул Алексей. — Капитан Рудаков!

— Здесь я, — голос раздался из-за развалин склада. Рудаков сидел на земле, прижимая руку к боку. Лицо его было в копоти, а из-под руки текла кровь — тёмная, густая. — Морозов, ты живой?

— Живой. Вы ранены?

— Царапина. Ничего. Слушай сюда, — он схватил Алексея за рукав и притянул к себе. — Слушай внимательно. Это война. Понял? Не учения, не тревога — война. Немцы перешли границу. Бомбят аэродромы, города. Нас — тоже. Нас тоже.

Алексей смотрел на него и не мог понять. Война? Как — война? Вчера была газета «Правда», и в ней было написано: «СССР и Германия — друзья навеки». Вчера была уха, и жаренки, и мать писала: «Приезжай, Лёшенька, пирогов напеку».

— Сколько их? — спросил Алексей.

— Много, — Рудаков сплюнул кровью. — Очень много. С запада — танки. Дивизии. Может, армии. А у нас — что? Рота. Без связи. Без артиллерии. Без ничего.

— Что делать будем?

— Воевать, — сказал Рудаков просто. — Другого варианта нет.

К вечеру стало ясно, что рота — это всё, что осталось от батальона. Шестьдесят два человека. Из трёхсот. Остальные

— кто убит, кто ранен, кто разбежался. Связи нет — радиостанция сгорела вместе со штабом. Боеприпасов — по сорок патронов на человека и два ящика гранат. Питания — на один день.

Рудаков собрал всех — кто мог стоять — у survivingшего навеса. Лица были грязные, глаза — пустые. Кто-то плакал. Кто-то молчал. Рядовой Фомин — мальчишка из Саратова — сидел на земле и дрожал, как в лихорадке.

— Товарищи бойцы, — сказал Рудаков. Голос его был ровным, хотя рука всё ещё кровоточила. — Ситуация тяжёлая. Но мы — солдаты. И мы будем выполнять свой долг. Сейчас — organised оборону. Лейтенант Морозов, первый взвод — на западную опушку. Лейтенант Селезнёв, второй взвод — на южную дорогу. Остальные — резервы. Копать окопы. Немедленно.

— Товарищ капитан, — подал голос старшина Ковальчук. — A ammunition?

— Что есть, — сказал Рудаков. — С этим.

Алексей повёл свой взвод — двадцать человек — на западную опушку. Шли молча. Каждый думал о своём. Алексей думал о матери. Она не знает. Она сидит сейчас в Воронеже, на кухне, и месит тесто для пирогов. Она ждёт его в отпуск. Она не знает, что мира больше нет.

Они копали окопы. Земля была сухая, песчаная, и лопаты входили в неё легко. Но рукам было тяжело — они дрожали, и Петренко, который копал рядом, тоже дрожал, и его рыжие

волосы были в земле, и лицо было в грязи, и он не вытирался.
— Лёха, — шепнул он. — Лёха, мы что — умрём?
— Нет, — сказал Алексей. — Мы не умрём. Мы — выстоим.

Он сказал это, но сам не верил. Потому что небо на западе горело, и звук оттуда был таким, будто земля раскалывалась пополам.

Глава 3. Уход

Ночь была тёмная, беззвёздная. Над лесом стояло зарево — далёкое, красноватое, будто где-то горел огромный костёр. Алексей лежал на дне окопа и смотрел вверх. Земля была прохладная, и он прижался к ней щекой, как к живому существу.

Кругом было тихо — если не считать далёкого гула, который шёл с запада, как дыхание больного зверя. Этот звук не прекращался ни на секунду. Он был фоном, на котором тишина казалась ещё более тяжёлой.

— Товарищ лейтенант, — шёпот. Рядовой Гусев, девятнадцатилетний, из Тулы. — Товарищ лейтенант, а что будет?

— Что будет — то будет, Гусев. Спи.

— Не могу. Если усну — проснусь, а тут немцы.

— Если уснёшь — проснёшься, а тут я. И я не дам тебя в обиду. Спи.

Гусев засопел и затих. Алексей лежал и не мог уснуть. Он думал о доме. О Воронеже. О том, как мать каждое утро открывала форточку и говорила: «Лёшенька, вставай, солнце

уже встало, а ты всё спишь». И он вставал, и солнце было в форточке, и пахло кофе — мать варила кофе по утрам, тёмный, горький, с пенкой.

Перед рассветом пришёл связной от Рудакова — ефрейтор Зотов, жилистый, с лицом, похожим на печёное яблоко.

— Лейтенант Морозов? — спросил он, задыхаясь от бега. — Капитан Рудаков приказал: отступать на восток. Немцы прорвали фронт на участке соседей. Нас обходят с севера.

— Куда отступать?

— На Смоленск. По большаку. Рудаков сказал — собирайте людей и отходите. Постепенно. Не паникуйте.

Алексей поднял взвод. Люди были бледные, измотанные. Многие не спали. Глаза — красные, как у зайцев. Петренко стоял с винтовкой, и руки его больше не дрожали — он словно выплакал все слёзы ночью.

— Петренко, — сказал Алексей. — Передай всем: отходим на восток. Тихо. Без шума. Построение — колонна по два. Дистанция — три метра. Вопросы?

— Есть вопросов, — сказал Петренко. — А раненые?

— Раненые — с нами. Помогайте друг другу.

Они отступали. Шли лесом, без дороги, потому что на дороге — было страшно. По большаку, в пяти километрах к северу, шла немецкая техника — мотоциклисты, броневики, грузовики. Алексей слышал звук моторов — ровный, механический, нечеловеческий. И от этого звука хотелось лечь на землю и не вставать.

Но они шли. Шли, потому что ноги шли. Шли, потому что приказ. Шли, потому что — куда деваться?

К обеду вышли на дорогу, которая вела к деревне Луговой. Деревни не было. Дома горели — некоторые уже догорели, от них остался только пепел и печные трубы, стоявшие, как памятники. Другие ещё горели, и дым был чёрный и горький.

Дом тёти Поли горел. Крыша провалилась, и из окна, где ещё вчера висела занавеска, торчали стропила, как ребра. Алексей остановился. Постоял. Пошёл дальше.

— Лёха, — Виктор догнал его. — Лёха, ты как?

— Нормально, — сказал он. И сам не знал, как.

Тётя Поля. Где она? Ушла? Спряталась? Он не знал. И не мог сейчас искать. Это было хуже всего — знать, что кто-то, кто кормил тебя яичницей с салом, может быть мёртв, и не мочь ничего сделать.

Они шли весь день. К вечеру встретили других — роту из соседнего полка, человек сорок, без офицеров. Их вел сержант — татарин, с чёрными усами и спокойными глазами. Его звали Хабибуллин.

— Вы откуда? — спросил Алексей.

— С запада. Сороковая дивизия. Была.

— Была?

— Была и нету, — Хабибуллин сплюнул. — Небо упало на землю. Всё. Триста человек — и вот. Сорок.

Алексей посмотрел на своих. Двадцать. И у Хабибуллина

— сорок. Шестьдесят человек. Против — целой армии.

Они шли вместе. К Смоленску. И по дороге собирали людей — отбившихся, потерянных, раненых. К ночи их стало сто двадцать. маленькая армия, потерянная в лесах.

Ночью остановились у ручья. Развели огонь — риск, но без тепла было нельзя: люди мёрзли, хотя был июнь. Алексей сидел у огня и сушил портянки. Рядом сидел Виктор и писал письмо. Зине. В библиотеку, которая, может быть, уже не существовала.

— «Дорогая Зина, — диктовал он вполголоса, — я не знаю, прочитаешь ли ты это. Я не знаю, где ты. Но я хочу сказать тебе: я жив. И я буду жить. Ради тебя. Ради стихов Есенина. Ради всего, что есть в этом мире хорошего. Твой Виктор».

Он сложил лист, спрятал в карман. Посмотрел на Алексея.

— Отправлю, когда связь будет.

— Будет, — сказал Алексей. — Обязательно будет.

Глава 4. Первый бой

Они встретили немцев на рассвете второго дня.

Колонна шла по лесной дороге — узкой, разбитой, с колеями, наполненными водой. Впереди — разведка, три человека, которых послал Хабибуллин. Через полчаса разведка вернулась: бежали, задыхаясь.

— Танки! — крикнул первый. — Три штуки! По дороге! И пехота — рота, не меньше!

Алексей почувствовал, как сердце провалилось куда-то вниз. Танки. Он видел танк один раз в жизни — на параде, в Воронеже, когда был мальчишкой. Т-28, огромный, с пушкой, как удав. Он тогда подумал: «Красивый». Теперь он думал: «Страшный».

— Сколько до них? — спросил Рудаков.

— Километр. Может, меньше. Идут медленно, но прямо на нас.

Рудаков оглядел колонну. Сто двадцать человек — грязных, голодных, уставших. У каждого — винтовка и сорок патронов. Против танков.

— В лес! — приказал Рудаков. — Всем в лес! Занять оборону за деревьями. Лейтенант Морозов — правый фланг. Хабибуллин — левый. Остальные — центр. Гранаты — приготовить. Винтовки — к бою!

Люди побежали в лес. Алексей — со своим взводом — на правый фланг. Деревья были старые, дубы и сосны, толстые, в два обхвата. Алексей поставил людей за деревьями, в три линии. Первая — стрелки. Вторая — гранатомёты. Третья — резерв.

— Петренко! — крикнул он. — Гранаты — сколько?

— Двенадцать, товарищ лейтенант. На всех.

— Раздай первую линию. По три на человека. Целиться — в гусеницы. Понял?

— Понял!

Танки показались через десять минут. Алексей лежал за

дубом и смотрел, как они ползут по дороге — серые, с чёрными крестами на броне. Первый шёл медленно, покачиваясь на неровностях дороги. За ним — второй, третий. А за танками — пехота. Серые мундиры, каски, автоматы. Много. Очень много.

— Спокойно, — сказал Алексей. Тихо, чтобы слышали только свои. — Спокойно, ребята. Не стрелять. Не стрелять, пока я не скажу.

Танк был всё ближе. Алексей видел его борт — грязный, с вмятинами, с надписью на немецком, которую он не понимал. Видел гусеницы — огромные, как цепи. Видел ствол пушки — чёрный, пустой, как туннель.

Сто метров. Восемьдесят. Шестьдесят.

— Огонь!

Лес взорвался выстрелами. Двенадцать винтовок ударили одновременно — сухо, резко, как пощёчины. Пули били по броне, и звенели, и отскакивали, не причиняя вреда. Алексей понимал: винтовка против танка — что пшик против урагана. Но граната — другое дело.

Первая граната полетела — Петренко бросал. Изогнулась дугой, как птица, и упала под гусеницу. Взрыв! — земля взметнулась, гусеница лопнула, танк дёрнулся и замер, завалившись на один бок. Из люка показался немец — без каски, с белым лицом. Алексей выстрелил. Немец упал.

— Есть! — крикнул Петренко. — Первый — есть!

Но второй танк развернул башню и выстрелил. Снаряд

ударил в дуб, за которым прятались два бойца. Дерево раскололось, как спичка, и оба бойца — Фомин и Гусев — погибли мгновенно. Алексей увидел это и не поверил. Гусев. Который ночью спрашивал: «Что будет?» Теперь — ничего. Ничего не будет.

— Гранаты! — крикнул он. — Все гранаты — на второй танк!

Три гранаты полетели одновременно. Одна перелетела, две упали коротко. Но четвёртая — её бросил Хабибуллин, с левого фланга — попала точно в моторное отделение. Взрыв! — танк загорелся, и из него повалил чёрный дым, густой и маслянистый.

Третий танк дал задний ход и ушёл по дороге. Пехота залегла и открыла ответный огонь. Пули свистели в лесу, срезали ветки, били в стволы. Алексей прижался к земле и стрелял, перезаряжал, стрелял, перезаряжал. Руки действовали сами — голова была пустая, как барабан.

Бой шёл полчаса. Может, больше. Алексей не считал время. Когда затих последний выстрел, он поднял голову и увидел: дорога пуста. Два горящих танка, трупы на асфальте — серые, не наши. И тишина — оглушающая, как удар.

— Потери? — крикнул Рудаков.

— Четверо убитых, — доложил Хабибуллин. — Семеро раненых.

Четверо. Из двадцати на левом фланге. И из его взвода — Фомин и Гусев. Двое. Двое из двадцати.

Алексей подошёл к телам. Фомин лежал на спине, глаза открыты, лицо — спокойное, будто спал. Гусев — лицом вниз, в земле. Алексей перевернул его, закрыл глаза.

— Прощай, — сказал он. И больше ничего не мог сказать.

Они похоронили их у дороги — выкопали яму, завернули в плащ-палатки. Рудаков сказал короткую речь: «Они погибли за Родину. Мы не забудем». Губы его дрожали.

Потом пошли дальше. На восток. Всё время — на восток.

Глава 5. В окружении

На третий день стало ясно, что они в окружении.

Рудаков собрал офицеров — Алексея, Виктора, Хабибуллина, и ещё одного — лейтенанта Захарова, который присоединился ночью с пятнадцатью людьми. Захаров был артиллерист, но без пушки — его батарея погибла в первый день.

— Итак, — сказал Рудаков, расстелив на земле карту, которую Захаров вытащил из планшета убитого офицера. — Мы здесь. — Палец ткнул в точку западнее Смоленска. — Немцы — здесь, здесь и здесь. — Пальцы ткнули трижды, образуя полукруг. — На востоке — тоже немцы. Мы в мешке.

— Прорываться надо, — сказал Хабибуллин. — На восток. К своим.

— Чем прорываться? — спросил Захаров. — У нас винтовки. У них — танки, артиллерия, авиация.

— Ночью, — сказал Алексей. — Прорываться ночью. Танки ночью не ходят. Пехота спит. Можно просочиться.

Рудаков посмотрел на него долго.

— Морозов, ты готов вести головной отряд?

Алексей сглотнул. Головной отряд — это значит — первый. Первый в бой. Первый — в смерть.

— Готов, — сказал он.

Решили: ночью. В четыре часа — самое тёмное время. Головной отряд — двадцать человек, лучших, под командой Алексея. За ними — основная колонна. Рудаков — в центре. Хабибуллин — арьергард.

Весь день они прятались в лесу. Ели — что нашли: ягоды, грибы, коренья. Кто-то поймал белку — зажарили на огне. Вкус был горький, но голод не давал разбираться.

Алексей проверял людей. Говорил каждому — лично, в глаза: «Ночью — тихо. Как мышь. Если стреляют — не отвечать. Если впереди — немцы, я останавливаю. Все — ложимся. Ждём. Если прорвались — не оборачиваться. Бежать на восток до рассвета.»

Петренко подошёл к нему вечером. Сел рядом, молчал.

— Серый, — сказал Алексей. — Ты в головном отряде.

— Знаю. Ты вчера сказал.

— Ты не боишься?

Петренко подумал.

— Боюсь, — сказал он. — Но что делать? Если не я — то кто?

Алексей кивнул. Это был правильный ответ. Не геройский, не громкий — просто честный.

В четыре часа ночи они двинулись. Лес был чёрный, как чернила. Ни луны, ни звёзд — небо затянуто облаками. Алексей шёл первым, держа винтовку на изготовке. За ним — Петренко, потом — Хабибуллин, потом — остальные.

Они шли по оврагу — низкому, заросшему кустами. Вода стояла по колено, и ноги тонули в иле. Но это было хорошо — в овраге не видно, не слышно.

Через полчаса Алексей остановился. Впереди, на бруствере оврага, — тень. Человеческая. Стояла и курила — огонёк сигареты мерцал, как светлячок. Немец.

Алексей поднял руку — «стоп». Все замерли. Он прислушался. Немец что-то напевал — тихо, лениво. Баюкал сам себя.

Алексей снял сапог. Тихо, по одному. Босая нога коснулась холодной воды. Он пополз — медленно, как змея, попластунски. Земля была мокрая, липкая. Он дышал через раз, стараясь не шуметь.

Немец стоял в трёх метрах. Спина к оврагу. Курил, глядя на восток. Алексей видел его — высокий, в длинной шинели, с автоматом на груди.

Одно движение. Нож — который Алексей носил в сапоге — вошёл мягко, как в масло. Немец дёрнулся, издал звук — как сдавленный вздох — и упал. Алексей поймал его, уложил тихо. Сердце билось так, что казалось — все слышат.

Ждал. Минуту. Две. Тишина. Он махнул рукой — «вперёд». Люди поднимались из оврага и шли, перешагивая че-

рез тело.

Так они прорвались. Через час вышли из оврага, миновали дорогу, на которой стоял немецкий грузовик — пустой, с заглушенным мотором — и углубились в лес на восток.

— Прошли, — сказал Петренко. Голос его дрожал.

— Прошли, — подтвердил Алексей.

А потом — сзади, из темноты — раздалась очередь. Автоматная. Оглянулись: арьергард Хабибуллина встретился с немецким патрулём. Стрельба была короткой — минуты три. Потом — тишина. Хабибуллин не вышел.

Они ждали полчаса. Потом — ещё полчаса. Хабибуллин не вышел.

— Уходить надо, — сказал Рудаков. — Светает скоро.

Они ушли. Без Хабибуллина. И Алексей всю жизнь помнил его — чёрные усы, спокойные глаза, и слово «была» — «Сороковая дивизия. Была и нету.»

Глава 6. Партизаны

Через неделю после прорыва они вышли к деревне Заречье — маленькой, в пятнадцать дворов, спрятанной в лесах, далеко от больших дорог. Здесь было тихо. Здесь не слышно было войны — только куры, да собаки, да ветер в верхушках сосен.

Деревня встретила их настороженно. Староста — дед Митрий, с бородой до пояса и глазами, как два угля, — вышел на крыльцо и спросил:

— Вы кто?

— Красноармейцы, — сказал Рудаков. — Отступаем. Нас — сто человек. Накормите, если можете.

Дед Митрий смотрел долго. Потом кивнул:

— Заходите. Хлеба нет, но картошка есть. И молоко.

Их расквартировали по домам. Алексей попал в дом к вдове — Марфе Тимофеевне, женщине лет сорока, с тёмной косой и руками, красными от работы. У неё было двое детей — мальчик лет десяти и девочка лет семи. Мальчика звали Стёпка, девочку — Алёнка.

Марфа накрыла на стол: вареная картошка, парное молоко, чёрный хлеб. Алексей ел и не мог остановиться. Голод — зверь, который сидел в желудке, рвался наружу, и его нельзя было обмануть.

— Далеко немцы? — спросила Марфа, когда он доел.

— Не знаю. Может, двадцать километров. Может, меньше.

— У нас тут леса. Глухие. Не полезут, — она сказала это уверенно, как будто знала наверняка. — Тут и свои прячутся.

— Какие свои?

Марфа оглянулась — на детей, на дверь. Понижила голос:

— Партизаны. Есть тут, в лесу, отряд. Два десятка мужиков. С оружием. С начальством. Они и до вас тут были — проходили неделю назад, на запад. Мы им — еду, они — новости.

Алексей поднял голову.

— Кто командир?

— Из своих. Из этих мест. Фёдор Качалов. До войны — председатель колхоза. Теперь — партизан. Серьёзный мужик.

— Как найти?

— Я sentника. Стёпка, — она повернулась к сыну. — Своди товарища к Качалову. Знаешь, где лагерь?

Стёпка кивнул, не улыбаясь. Глаза у него были взрослые, не детские.

Через час Алексей стоял в партизанском лагере — на лесной поляне, окружённой соснами. Лагерь был устроен на скорую руку: шалаши из веток, костёр, несколько ящиков с боеприпасами. Люди — мужики разного возраста, от семнадцати до пятидесяти, в разной одежде — кто в военной, кто в гражданке.

Командир — Качалов — сидел на пне и точил нож. Мужик лет тридцати пяти, широкий, с рыжей бородой и глазами, которые смотрели прямо, не мигая.

— Лейтенант Морозов, — представился Алексей.

— Качалов, — он кивнул. — Слышал про вас. Марфа сказала — сто человек. Это хорошо. Нам люди нужны.

— Вы нас примете?

— Приму. Только — у меня свои правила. Первое: подчинение. Здесь командир — я. Второе: дисциплина. Без неё — смерть. Третье: дело. Кто не воюет — не ест.

Алексей кивнул.

— Согласен.

— Хорошо. Тогда — так. Ваш капитан Рудаков — при ранении. Будет моим заместителем. Вы — командиром роты. Ваш сержант — Петренко — командиром взвода. Связист ваш — Селезнёв — связистом и у меня. Вопросы?

— Один. Какой план?

Качалов усмехнулся. Нож блеснул.

— План — выжить. И мешать. Мешать немцам — везде, где можно. Дороги минировать, мосты взрывать, связь рвать, конвои бить. Не давать им покоя. Ни днём, ни ночью.

Так Алексей стал партизаном.

Первую неделю — обживались. Ставили лагерь, рыли землянки, организовывали дозоры. Качалов оказался толковым командиром — жёсткий, но справедливый. Он знал лес, как свою ладонь, и немцев — тоже знал: до войны прочитал всё, что мог найти про тактику немецкой армии.

Петренко стал незаменимым — он ходил по деревням, собирал еду, договаривался с мужиками. Люди ему верили — потому что он был простой, открытый, и говорил правду.

Виктор Селезнёв собрал радиостанцию — из деталей, найденных в разбитой машине на дороге. Ночью он ловил Москву — голос Юрия Левитана, который говорил: «Война. Война. Война.» И сводки — где наступают немцы, где наши отступают, где держатся.

Алексей слушал и думал: «Вся страна — как мы. Вся стра-

на в окружении. Вся страна — в лесу.»

Через неделю Качалов провёл первую операцию — засаду на дороге. Дорога шла с запада на восток, и по ней — каждый день — ездили немецкие грузовики. Лёгкие, без охраны.

Засада была простая: мину — на дорогу, людей — в кювет. Когда грузовик наедет на мину — стрелять.

Алексей командовал. Сердце колотилось, но руки не дрожали — впервые с начала войны. Он привык к страху, и страх стал не врагом, а соседом — неприятным, но знакомым.

Грузовик шёл медленно, покачиваясь на ухабах. В кузове — ящики, прикрытые брезентом. Два немца в кабине — один курил, другой смотрел на дорогу.

Мина взорвалась под передним колесом. Кабина подпрыгнула, грузовик завалился на бок. Алексей крикнул: «Огонь!» — и восемь винтовок ударили одновременно.

Немцы в кабине были убиты сразу. Из кузоса — выскочил третий, молодой, без оружия. Он поднял руки и закричал: «Nicht schießen! Nicht schießen!»

Его взяли в плен. Первый пленный. Немец — блондин, с веснушками, лет двадцати. Дрожал, как лист. Плакал. Алексей смотрел на него и не знал, что чувствовать. Злость? Жалость? Ничего?

— Что с ним делать? — спросил Петренко.

— Отправим в штаб, — сказал Качалов. — Если будет штаб. Пока — в яму. Под охрану.

В грузовике нашли ящики с патронами — тысячи, немыслимое количество. И еду — консервы, хлеб, шоколад. Немецкий шоколад. Алексей отломил кусок и попробовал. Сладкий. Очень сладкий. Он не ел сладкого три недели, и вкус показался ему неземным.

— Вот, — сказал он, раздавая шоколад бойцам. — Вот вам война. Сладкая и горькая одновременно.

Глава 7. Дорога на восток

Прошёл месяц. Июль сменялся августом. Партизанский отряд вырос — до двухсот человек. Приходили из окружения, из деревень, из лесов. Качалов принимал всех — проверял, допрашивал, распределял. Кто-то был боевой, кто-то — нет. Но все хотели одного — драться.

Алексей командовал ротой — сорок человек. Люди его знали и доверяли. Он был справедлив, не кричал, не наказывал без причины, и в бой — ходил первым. Это было главное: командир, который ходит первым, — командир, которому верят.

В августе пришёл приказ — от Москвы. Виктор поймал его по радио: «Всем партизанским отрядам — наносить удары по коммуникациям противника. Рвать связь, взрывать мосты, уничтожать конвои. Ни одного мирного дня врагу.»

Качалов собрал командиров.

— Вот. Приказ. Будем выполнять. Цель — железнодорожный мост через реку Десну. В тридцати километрах отсюда. По нему идут эшелоны — на восток, к фронту. Каждый эше-

лон — танки, пушки, солдаты. Нужно — мост взорвать.

— Чем взрывать? — спросил Захаров. — У нас — что? Гранаты да патроны. На мост гранат не хватит.

Качалов достал из-под плащ-палатки свёрток. Развернул — взрывчатка. Тола, килограмм двадцать. И детонаторы.

— Где взял? — спросил Алексей.

— Немцы подарили. В грузовике, который вы подорвали. Ящики с патронами — а под ними — тол. Немало.

— Кто пойдёт?

— Морозов. Рота Морозова. И Захаров — он минное дело знает.

Алексей посмотрел на своих. Петренко кивнул. Виктор — тоже. Молодой боец — Алёша Кузнецов, девятнадцать лет, из Рязани, — поднял руку:

— Я добровольцем.

— Добровольцем куда? — спросил Алексей.

— На мост. Подрывником. Я химик. До войны — в техникуме учился. Взрывчатку знаю.

Алексей посмотрел на него. Худой, высокий, с носом, похожим на клюв. Ничего особенного. Но глаза — спокойные, серьёзные.

— Возьму, — сказал он.

Они шли три дня. Лесами, обходя дороги, обходя деревни, где могли быть немцы. Ночевали в шалашах, ели — что давали деревенские: хлеб, картошку, молоко. Один раз — попали под дождь, такой сильный, что промокли до белья, и

сушились потом у костра, голые, как новорождённые.

На третий день вышли к реке. Десна — широкая, спокойная, с жёлтыми берегами. Мост был виден издалека — железный, на каменных быках, с настилом из брёвен. На мосту — охрана. Часовые, два, с автоматами. И — прожектор, который шарил по воде и берегам.

— Два часовых, — сказал Захаров, глядя в бинокль. — И — собака. Овчарка. На берегу.

— Собака — это плохо, — сказал Алексей. — Учуёт.

— Надо — отвлечь. Петренко, умеешь по-собачьи?

Петренко гавкнул. Все засмеялись. Даже Алёша Кузнецов, который обычно не смеялся.

— Не так, — сказал Алексей. — Надо — по-настоящему. Псарня. Где-то здесь должна быть псарня. Если собаку увести...

— Или застрелить, — сказал Захаров просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.